Л.И.Гетман

РЫЦАРИ ВЕРЫ ИЛИ ФИЛИСТЕРСКИЕ МЕЩАНЕ? (О ПОЛИЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ ОБРАЗОВ СТАРОСВЕТСКИХ ПОМЕЩИКОВ)

Художественный текст, с точки зрения психологии искусства, - это некая "система раздражителей, сознательно и преднамеренно организованных с таким расчетом, чтобы вызвать эстетическую реакцию" [I, с.32-33] у читателей. Подобные читательские реакции могут быть как близкими авторским, так и вступать с ними в конфликт вследствие того, что произведение искусства "заключает в себе непременно аффективное противоречие, вызывает взаимно противоположные ряды чувств..." [I, с.274]. Именно это "противочувствие", заложенное автором в тексте, и порождает полиэмоцюнальность, присущую художественным текстам.

Под поли эмоциональностью мы понимаем такую смену эмоциональной доминанты беллетристического повествования, описания и рассуждения, которая закономерно приводит к возникновению у читателя (читателей) противоречивых эстетических реакций. Заметим, что полиэмопиональность далеко не всегда открыто декларируется писателем. В большинстве случаев данное свойство имеет характер имплицитный, что нередко приводит к поливариантности оценок, а иногда даже к появлению взаимоисключающих интерпретаций одного и того же произведения. Покажем это на примере повести Н.В.Гоголя "Старосветские помещики".

Интересно, что факт полиэмоциональности гоголевского текста закреплен лексикографически. Дело в том, что имена главных героев этой повести стали крылатыми и образовали "связанное имя" - Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна. В русской афористике данное связанное имя приобрело как положительные, так и отрицательные коннотации: с одной стороны, оно служит обозначением нежных любящих супругов и выступает как символ семейного мира и согласия, а с другой стороны, фразеологизм Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна используется как сатирическая характеристика обывателей, ведущих "растительное существование" [2, с.20].

Полиэмоциональсть образов главных героев и всей повести "Старосветские помещики" подчеркивается особенностями внешней (языковой) формы этого произведения. Ведущим художественным приемом, с помощью которого Н.В.Гоголь строит текст, является прием смешения стилей, благодаря чему и задается автором особая "эмоция формы" - эмоция противоречия низкого и высокого, внешнего и внутреннего, телесного и духовного.

Первым, что бросается в глаза даже не искушенному в лингвистике читателю, является частотность бытовой (часто с разговорной окраской) лексики. Бытовая лексика представлена в повести "Старосветские помещики" несколькими тематическими группами: названия строений и их частей (домик, комната, спальня, сени, кладовая, крыши, крыльцо...), обозначения домашних животных (гусь. гусята, барбосы, бровки, жучки, кошечка...), наименования посуды (блюда, соусники, горшочки, чарка...). В особую подгруппу стоит выделить названия фруктовых деревьев (сливы, вишни, дули...), потому что указанные слова, имея переносное метонимическое значение, обозначают не только растения, но и то, что на них произрастает, – фрукты, которые употребляют в пищу. Нужно заметить, что тематическая группа продукты питания оказывается самой многочисленной и подразделяется на подгруппы: напитки (кофей, киселек, узвар с сушеными грушами, водка на персиковых листьях, на черемуховом цвете, на золототысячнике...), закуски (рыжики соленые, грибки, сушеные рыбки), мучные изделия (коржики с салом, пирожки с маком, вареники с ягодами), сладости (варенье, желе, пастила, мед, сахар...) и др.

Богатство бытовой лексики и мастерские приемы натуралистического описания сельской жизни старичков-помещиков способствуют тому, что читатель приходит, на первый взгляд, к вполне логичному выводу: "Товстогубы еще при жизни превратились в полурастения. Они ведут единственно активную жизнь - жизнь желудка... Биологическое, вегетативное, казалось, совершенно вытесняет из их "неизменной буколической жизни" собственно человеческое. Их растительное существование движется исключительно по какой-то гастрономической шкале..." [3, с.85]. В этой связи эстетически значимой оказывается и фамилия супругов - Товстогуб,

словообразовательная структура которой (товстый (русск. толстый) + губы) порождает устойчивую ассоциацию с группами слов "еда" и "прием пищи".

Удивительно, что даже в моносемичном ономастическом знаке Н.В.Гоголю удается найти "начало антитезы" (термин Дарвина). Трудно не заметить, как писатель, рассуждая о родовых именах, противопоставляет своих героев тем "низким малороссиянам", которые "наводняют Петербург" и "торжественно прибавляют к фамилии своей, оканчивающейся на о, слог в". Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна не Толстогубовы и не Товстогубовы, а именно Товстогубы, они носят "малороссийскую старинную и коренную фамилию", потому что остаются верными своему nomina gentis и традициям рода и Украины.

Вдумчивый читатель, несомненно, обратит внимание на то, что народная этимология подчеркнуто сниженной фамилии Товстогуб (Товстогубиха) вступает в противоречие с этимологической семантикой имен Афанасий (греческое - "бессмертный") и Пульхерия (латинское - "красивая")[4, с.11,40]. Показательно, что в микросистеме повести данные имена встречаются исключительно в полной форме и только в сочетании с отчеством, одинаковость которого косвенно как бы подчеркивает "взаимную любовь" и духовное единство героев.

В этом ракурсе образы Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны начинают видеться как воплощение христианского идеала супружеской любви. Любовь - вот цель их существования. Любовь до смерти и даже после смерти! Именно любовь, а не быстро проходящая страсть (сравни гоголевское сопоставление горя молодого любовника, потерявшего свою возлюбленную, и тихую скорбь Афанасия Ивановича, послушно ожидавшего своей смерти, которая одна только могла вновь соединить его с Пульхерией Ивановной). Интересны в связи с этим и рассуждения В.Соловьева о "сильной любви", примером которой философ считает любовь старосветских помещиков [5,с.25].

Аффективное противоречие, эстетически значимое для анализируемого текста, на языковом уровне поддерживается тем, что в авторской речи бытовая (разговорная) лексика контактно и дистантно сочетается в пределах одного предложения с лексикой книжной (высокой): "...уединенных владетелей

отдаленных деревень... как дряхлые живописные домики..." или "...низеньких фруктовых деревьев, потопленных багрянцем вишен и яхонтовым морем слив...". Причем такое столкновение разностилевой лексики вовсе не иронично, потому что здесь авторское "я" открыто (сравни : "Я очень люблю скромную жизнь тех уединенных владетелей..." - начало текста; "Я иногда люблю сойти на минуту в сферу этой необыкновенно уединенной жизни..." - 2-е предложение текста; "Жизнь их скромных владетелей так тиха, так тиха, что на минуту забываешься..." - 3-е предложение; "Я отовсюду вижу низенький домик..." - 4-е предложение и др.).

Смешение лексики с разной стилистической окраской, на наш взгляд, и составляет тот "раздражитель", который удерживает читателя от поспешного однозначного и "моноэмоционального" толкования образов Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны. Размышление над "эмоцией формы" повести Н.В.Гоголя – это способ, помогающий проникнуть в глубину мира старосветских помещиков, мира, закрытого от посторонних глаз канвой внешней обыденной жизни. Современник Гоголя, датский философ Сёрен Кьеркегор, справедливо заметил: "Легко узнать рыцарей бесконечного самоотречения, поступь их легка, весела. Напротив, те, кто носит в себе драгоценность веры, вполне могут разочаровывать, ибо их внешний вид обладает поразительным сходством с тем, что глубоко презираемо как бесконечной покорностью, так и верой, - сходством с филистерским мещанством" [6,с.38].

Говоря о "противочувствии", которое вызывает у разных читателей или у одного читателя повесть Н.В.Гоголя "Старосветские помещики", следует отметить, что в этом случае полиэмоциональность не проистекает из характера литературных героев (ср. имманентную полиэмоциональность образа помещика Манилова). Данный тип полиэмоциональности связан прежде всего с состоянием души читателя, с тем, что А. Макаров назвал "стремлением к барокковости", когда в поле внутреннего зрения индивидуума существуют одновременно "архитипичные образы гордого и тихого человека" [7,с.175]. Если Тарас Бульба и его сын Остап могут служить примером "гордого человека", борца, "рыцаря бесконечного самоотречения", то Афанасий Иванович и

Пульхерия Ивановна - это и есть "тихие" смиренные люди, "рыцари веры". Эмоциональное же восприятие героев Гоголя - всего лишь зеркало, отражающее внутренний мир читателя и тот идеал героя, который выбирает он сам и/или его эпоха.

Литература

1. Выготский Л.С. Психология искусства. - Ростов-на-Дону, 1998.
2. Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова: Литературные цитаты. Образные выражения. - М., 1988.
3. Скуратовский В. На пороге как бы двойного бытия (из наблюдений над мирами Гоголя) //Гоголеведческие студии. - Вып.II. -Нежин,1997.
4. Толкователь имен святых угодников Божиих, чтимых русскою православною церковью. - М., 1990.
5. Соловьев В. Смысл любви // Русский эрос или философия любви в России. - М., 1991.
6. Кьеркегор С. Страх и трепет. - М.,1993.
7. Макаров А.М. Світло українського бароко. - К., 1994.